

42 Адольфыч

Украина

Киевский гангстер-пенсионер с недюжинным литературным даром

Владимир «Адольфыч» Нестеренко — некто из Киева, сочинивший не то сценарий, не то пьесу для чтения, не то road-action «Чужая»: по слухам, «как «Бумер», только еще лучше». Опять же, по слухам, Адольфыч — рэкетир, то ли завязавший со своим бизнесом, то ли ставший посвящать своему досугу — фашизму — слишком много времени, чтобы оставаться бандитом.

Текст: Лев Данилкин
Иллюстрация: Татьяна Кочергина

К живому Владимиру Нестеренко попадают через интернет. Несложная эпистолярная трехходовка — и вы обнаруживаете у себя в ящике письмо с юзерником, где изображено экстравагантное существо: костлявое, беззубое, с седыми патлами и зорными глазами; это и есть Адольфыч.

Киев, прихваченный ранними заморозками, уже не может выдавать себя за южный иностранный город; чередующиеся билборды «Меченосца» и «Райффайзена» как элементы камуфляжной сетки, которую кто-то набросил на голые стволы каштанов, чтобы нельзя было отличить его от других постсоветских миллионников; глаза так слезятся от ветра, что я не замечаю, откуда появляется Адольфыч; не «Адольфыч», конечно, — Владимир. Он тут же произносит слово «офис», и я киваю; погода не для перипатетиков.

Про Адольфыча ходят много слухов, но никто не сказал мне, что он главный редактор глянцевого журнала.

В редакции Visenews — со стеклопакетами и навесными потолками — верстальщик скровисто тасует на мониторе объявления о VIP-досуге с фотографиями телефонизированных саун: «Сейчас мы переделываем дизайн». В первом раунде уместны несколько дежурных вопросов: правда ли, что вы душеприказчик художника-авангардиста Хилько, который топором отрубил голову собственной матери (правда), настоящее ли у вас отчество (да, хотя у отца были и другие причины, чтобы заняться боксом), что это за существо изображено у вас на юзерпике? А, это Джейф — живой труп, самый старый наркоман Лондона. Ему 92 года, и с ним в одной больничной палате лежал один друг Адольфыча, после того как подрался в пабе с неграми. Адольфыч канонизировал образ, и с тех пор Джейф прочно закрепился в апостольском чине иконостаса сетевых фашистов. Феномен «Адольфыч в сети» — слишком обширная тема, чтобы попытаться раскрыть ее в коротком очерке. Пока достаточно просто упомянуть, что «ливджорнал» он завел еще в 2003-м, догадавшись, что это идеальный способ «обкатывать свои идеи» (какие идеи? «...уничтожение вместе с их женами, детьми, братьями и прочим кодлом может дать какой-то шанс выжить полуопидаренной белой расе»), что для осмеливающихся высказываться о его заметках без должного энтузиазма он приберегает запоминающиеся директивы вроде «Поучи свою мамашу пи...дой мух ловить», что, наконец, если кто-либо и дальше продолжает вести себя неконструктивно, у него появляется шанс познакомиться с Адольфычом лично.

Темперамент Адольфыча не позволяет ему задерживаться в редакции. Перед тем как выйти, он прикасается к двери

и секунды две разглядывает лестничную площадку. «Все пацаны, — вспоминается авторская ремарка в «Чужой», — перед тем как выйти из квартир, смотрят в глазок». «Самое неприятное — это входить вечером в подъезд. Даже если ты на пенсии».

Адольфыч не скрывает, что он не просто «на пенсии», но — гангстер на пенсии. У гангстера-пенсионера сорока двух лет (карлсоновский возраст: «Уже довольно старый, чтобы делать замечания на улице, и еще довольно молодой, чтобы в случае чего дать пи...ды») образуется много свободного времени — он может подумать о мемуарах, записать пару-тройку запомнившихся диалогов и попробовать себя в кинодраматургии.

«Чужая» была написана по просьбе одного знакомого из Штатов. Режиссер на ПМЖ в Америке, тот посмотрел «Бумер», загорелся и предложил Адольфычу сочинить сценарий на ту же тему. Заказчик так и не нашел в себе силы снять по «Чужой» фильм; однако Адольфыч нисколько не жалеет о потраченном времени. Оказывается, он и так уже давно собирался высказаться по теме. «Не исключено, я стал писать, потому что прочел Корецкого и увидел «Бригаду» — потому что в целом это фуфло. Это мусорская версия 90-х». Адольфыч был с другой стороны — у которой никогда не было компетентных адвокатов, за редкими исключениями: Пелевин (бандитская глава в «Чапаеве») и Мурзенко (с «Мама не горюй»).

На протяжении всех 90-х годов будущий автор «Чужой» работает последовательно в двух киевских группировках. Специалист широкого профиля, чаще прочего он занимается обеспечением «крыши» и выбиванием долгов, то есть рэкетом. По правде сказать, писатель, владеющий такой экзотической профессией, вызывает столько вопросов, что я задаю ему всего один: ставил ли он утюги на животы? «Утюги —

это все херня. Во-первых, долго, во-вторых, отягчающие обстоятельства — за это сильно увеличивали срок и мусора пи...дили».

Немотивированные нападения, вендетта, неконтролируемые вспышки ярости — Адольфычев театр жестокости может похвастаться впечатляющим сюжетным репертуаром; однако центральная коллизия тут — преступление и наказание. Никакого отношения к традиционно достоевской системе ценностей эта коллизия не имеет. Тут чистый Ветхий Завет: вину можно в лучшем случае возместить с лихвой, в худшем — испустить жизнью, но никакого прощения быть не может.

В конце 90-х Адольфычу, в чьи интересы всегда входило не только выбивание денег, но и пополнение лингвистического багажа, предоставляется возможность изучить тюремный жаргон в полевых условиях; однако и после знакомства с пенитенциарной системой он отходит от дел не сразу. Если после публикации «Чужой» его и станут показывать по телевизору, то вместо лица у него будет композиция из разноцветных квадратиков. Нестеренко, сразу предупреждает он, — псевдоним.

На просьбу обозначить свой нынешний статус в мире криминала он, не задумываясь, отвечает: «Я — действующий резерв». И при каких обстоятельствах возникнет шанс, что он выдвинется на передний план? «Ну если на святое замахнется». На что? «Как на что? На пенсию!» (Приступ аффектированного папановского, из «Бриллиантовой руки», схема.)

«Там моя пенсия», — неопределенно показывает Адольфыч. Загадочный собес, обеспечивающий этого несомненно дееспособного мужчину, находится на левом берегу Днепра, далеко.